

И.И. КАЛИГАНОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.
(ХУДОЖНИКА-БАТАЛИСТА, ЛЕЙБ-МЕДИКА,
КАЗАЧЬЕГО ОФИЦЕРА)**

Abstract:

Kaliganov I.I. *Bulgaria and the Bulgarians seen by the participants of the Russo-Turkish War of 1877–78 (a battle painter, a physician in ordinary, a Cossack officer)*

The article analyzes the perception of Bulgaria and the Bulgarians of the participants of the Russo-Turkish War of 1877–78: a Russian battle painter V.V. Vereshchagin, a physician in ordinary S.P. Botkin and a Cossack officer P. Dukmasov. The author shows different view on the same events, which depend on the age, profession and social status of the witnesses.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, болгары, восприятие очевидцев, разноречивость мнений.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала новым этапом познания россиянами Болгарии как страны и населяющего ее болгарского народа. Число русских солдат и офицеров, побывавших в болгарских землях во время военных действий, с учетом резерва армии, ротации ее полков и дивизий, восполнения места убитых и раненых переваливало за 300 тыс. человек. Помимо солдат и офицеров, в болгарских землях находились многочисленные сестры милосердия, врачи, торговые снабженцы, временные военные корреспонденты, писатели-очеркисты, художники и представители других профессий. Впервые в истории за Болгарией и болгарями наблюдало такое множество русских глаз. Результатом этого стало появление в России о войне против турок в Болгарии, самой стране и населяющем ее болгарском народе огромного количества военных репортажей, воспоминаний, географических описаний, экономических очерков и разнообразных художественных произведений: романов, повестей, рассказов и стихотворений. Их тщательный научный анализ все еще далек от завершения.

Мы уже обращались к названной проблематике в своих докладах, статьях и сообщениях¹. В данной публикации наше внимание сосредоточено на жанре документальном – письмах и воспоминаниях русских участников войны 1877–1878 гг., имевших различный социальный статус и профессиональную ориентацию. На-

ми были избраны три различные по своей масштабности фигуры: знаменитый художник-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842–1904), врач Сергей Петрович Боткин (1832–1889) и казачий офицер Петр Архипович Дукмасов (1854–1896). Сравнение их взглядов на ход войны и ее отдельные эпизоды, равно как сопоставление их мнений о Болгарии и болгарях, весьма любопытны и дают неожиданный результат. Несмотря на почти полное единодушие при оценке, например, героизма русских солдат, констатации факта отвратительного снабжения Действующей армии и откровенного воровства интендантов, наши комитенты разительно расходятся во мнениях по поводу особенностей национального характера болгар, специфики их быта и отношения к своим русским освободителям. Эти расхождения во многом обязаны ряду, на первый взгляд, несущественных, но, в действительности, очень важных факторов: возрасту очевидцев, их профессиональной ориентации, статусу во время нахождения на болгарской земле и продолжительности наблюдения за жизнью ее обитателей. Охарактеризуем кратко каждого из трех фигурантов и проанализируем материалы, оставленные этими русскими людьми после пребывания их на болгарской земле в 1877–1878 гг.

Имя русского баталиста В.В. Верещагина – художника с мировой известностью – хорошо знакомо нашим читателям. Его картины были высоко оценены и вызывали широкий международный резонанс еще при жизни мастера. Только за последние 10 лет до трагической гибели В.В. Верещагина во время русско-японской войны² было проведено более 30-ти его персональных выставок, из которых 10 состоялись за границей. На Балканы он отправился уже будучи знаменитым живописцем, прославившись своими полотнами об Отечественной войне 1812 г. и Туркестанской военной кампании. Его картины отличались почти документальной реалистичностью, злободневностью сюжетов и публицистической заостренностью. Последнее нередко вызывало скандалы и запреты на публичную демонстрацию некоторых его картин.

На русско-турецкий фронт в Болгарию Верещагин поехал, чтобы вдохнуть порох войны, ощутить ее всем своим существом изнутри и запечатлеть на своих бессмертных полотнах. Именно поэтому он присоединился к Передовому отряду русской армии, сформированному специально для форсирования Дуная и взлома системы турецкой придунайской обороны. В ответ на его сообщение о решении увидеть всё своими глазами, чтобы перенести затем на холст, известный критик Владимир Васильевич Стасов писал: «Этого от роду не делал, не говорил и не писал ни один рус-

ский художник». Он добавлял также, что ругает В.В. Верещагина на чем свет стоит, ибо «присутствие на войне – это вовсе не дело художника»³. Но баталист не внимал предостережениям критика. Он лез в самую гущу боя: гонялся с русскими моряками на паровой шлюпке «Шутка» за турецким монитором, чтобы ткнуть его шестом с миной, был ранен, долго болел и едва не умер от заражения крови. Болезнь помешала ему переправиться через Дунай с Передовым отрядом, о чем он страшно сожалел.

Попав в Болгарию, Верещагин стремился присутствовать в самых жарких местах сражений, рисуя войну с натуры. Так было, например, на скале св. Николая на Шипке, где он рисовал «вживую» и чуть не погиб от разрывов турецких артиллерийских гранат. Причем здесь не было ни малейшей бравады – художник-реалист желал увидеть все собственными глазами⁴. Свою позицию В.В. Верещагин четко изложил в письме к В.В. Стасову. «Я оставил Париж и работы мои, – писал он ему из Болгарии, – не только для того, чтоб высмотреть и воспроизвести тот или другой эпизод войны, а для того, чтобы быть ближе к дикому и безобразному делу избиения; не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей»⁵. По словам художника, выезжая в армию, он стремился «все прочувствовать»: самому с пехотой пойти в штыки, с казаками – в кавалерийскую атаку, с моряками – на подрыв турецкого монитора в шлюпке. Пережитое на собственном опыте В.В. Верещагин с невероятной правдивостью отразил затем в таких своих классических полотнах, как «Панихида по убитым», «Перевязочный пункт под Плевной», «Транспорт раненых», «На Шипке все спокойно», «Шипка – Шейново» и др.

Острый взгляд художника открывал и запечатлевал в войне не героическую патетику, а смерть и ужас, которые она несет. Даже при изображении победного ликования русских войск, несущегося на белом коне перед солдатским строем генерала М.Д. Скобелева и с трудом поспевающего за ним на лошади самого себя (это единственный батальный автопортрет В.В. Верещагина) главное событие находится как бы на заднем плане. Передний план занимают те, кто породил это торжество, – убитые, окровавленные и растерзанные русские воины, лежащие на снегу в тех нелепых позах, в которых их настигла смерть. Подобное можно сказать и о картине В.В. Верещагина «Панихида по убитым». Главные персонажи здесь – не батюшка с клириками, отпевающие убитых, лежащих в бесконечных рядах могил, а сами погибшие – похороненные наспех, чуть присыпанные мерзлой землей вперемежку со снегом. Этот гуманистический и пацифистский подход В.В. Верещ-

цагина чувствуется не только в его картинах – он ощущается также в его письмах В.В. Стасову и воспоминаниях о войне⁶.

В последних В.В. Верещагин обращает внимание не только на героизм русских солдат и офицеров (в особенности генерала М.Д. Скобелева, с которым он был накоротке знаком). Он пишет и о том, что этот героизм приходил на помощь, когда средств для победы в должной мере не доставало. Поставляемые на фронт снаряды часто не разрывались или же могли взорваться сразу же при вылете из жерла орудий: следы от сотен таких, глубоко вонзившихся в землю русских снарядов были обнаружены после падения Плевны.

Солдат плохо кормили и часто не привозили на позиции и на марше горячую пищу. Их дневной рацион нередко составляла пара-тройка соленых сухарей. Они были одеты в легкие шинельки и зимой замерзали при несении караульной службы или даже в дороге. Но если тела наших замерзших солдат погребали, то тела турецких во множестве покрывали обочины военных дорог. Как гуманисту В.В. Верещагину жаль было даже погибших и раненных турок: он сожалел, что докторов не хватает не только для наших. В письме В.В. Стасову от 29 июля 1877 г. он писал, что «раненые большей частью валяются на земле, перевозить не на чем, кроватей нет, докторов мало, сестер милосердия мало»⁷. По наблюдению художника, попытки привлечь к исправлению ситуации турецких врачей оказывались тщетными – те сразу же снова разбежались.

И, конечно же, цепкий взгляд гуманиста В.В. Верещагина не мог миновать тех, ради кого и была предпринята сама эта война: самих болгар. Он пишет о массовых разрушениях болгарских домов на театре военных действий: в деревне Шипка, например, по его воспоминаниям, не осталось ни одного не разрушенного дома – каким-то чудом уцелела лишь одна церковь. Особенно тяжелым было положение спасавшихся от турецких зверств болгарских беженцев. Они в беспорядке брели по дорогам после потери крова и имущества, не располагая ни малейшими средствами к существованию. В сущности, они представляли собой толпы нищенствующих. Их размещали по деревням, но они голодали: из-за скудности поставляемого провианта еды не хватало даже для русской армии.

В.В. Верещагин приходил к неизбежному выводу, что большая часть этих несчастных болгар переболеет и перемрет. И всё это при полном отсутствии помощи со стороны Славянских комитетов, которая в данном случае оказалась бы весьма уместной. Од-

нако единственный находящийся в деревне Горна Студена уполномоченный представитель Петербургского Славянского комитета А.А. Нарышкин вынужден был закрыть представительство по причине отсутствия средств. По мнению художника, наиболее действенным явилось бы открытие пунктов питания для болгарских беженцев во всех крупных населенных пунктах и оказание им помощи натурой в более мелких селениях посредством регулярно приезжающих туда служащих. Именно так, считал он, можно будет сократить детскую смертность и не позволить болгарам забывать о морали. В особенности это касалось болгарок, которые ради спасения своих детей готовы были пойти на оказание определенных услуг нашим солдатам.

Сравнительно высокую ступень в социальной иерархии занимал и другой из трех названных нами очевидцев русско-турецкой войны 1877–1878 гг., С.П. Боткин – блестящий терапевт, чье имя носит сейчас крупнейшая клиническая больница Москвы. Он совершил блистательную научную и общественную карьеру, установил вирусный характер гепатита и сделал массу других открытий, за которые в 40 лет был избран академиком и сделался членом 35 русских и 9 зарубежных научных медицинских обществ. В 39 лет он стал почетным лейб-медиком, лечил и сопровождал императрицу Марию Александровну за границу и на русский юг. А в 1877 г., когда разразилась русско-турецкая война, ему присвоили чин тайного советника, то есть генерала от медицины, и отправили в качестве придворного врача сопровождать императора Александра II во время его нахождения на Дунайском театре военных действий. В качестве императорского медика С.П. Боткин находился в Румынии и Болгарии с мая по ноябрь 1877 г. Из-за Дуная он слал письма своей жене на родину, изданные через 15 лет отдельной книгой⁸.

Впечатления С.П. Боткина о Болгарии и болгарях, их физическом облике, характере и быте очень необычны и мало подходят на то, что мы обычно открываем в мемуарах участников войны 1877–1878 гг. Всё в Болгарии для него как-то не так. Климат никуда не годится – днем испепеляющая жара, а ночью начинаешь мерзнуть, поскольку температура опускается до +9. Часто разражаются грозы без дождя, поднимаются пылевые бури, разметывающие госпитальные палатки. В стране полный хаос и разруха. Когда подыскивали пустующую квартиру для государя, долго не могли найти чего-либо подходящего. Наткнулись, правда, на бывший дом турецкого бея, но он оказался по большей части разрушенным, как и многое другое. По словам С.П. Боткина, трудно

было понять, кто здесь больше был виноват: оставляющие свои дома турки или завершающие дело разрушения болгары из корыстных побуждений. Как бы то ни было, но в жилищах были выломаны оконные рамы, сняты двери, исчезли вьюшки от печей и каминов и т.д.⁹.

«Хаты» же болгарских крестьян, судя по его письмам, имеют весьма затрапезный вид: они напоминают скорее не нормальные деревенские жилища, а огромные, покрытые соломой сараи или амбары. Правда, к ним пристроены небольшие, возвышающиеся приблизительно на метр, открытые террасы. Одно из таких жилищ изображено между с. 288–289 упомянутого нами издания. Казалось бы, в болгарских селениях красивыми должны были быть хотя бы церкви, но и они, по словам С.П. Боткина, были в жалком состоянии. Он писал, как однажды при виде колокольни долго не мог понять, где же находится сама церковь и куда лицом стоят солдатики. Оказалось, церковь повторяет архитектуру обыкновенного дома, причем нижний её этаж врыт в землю, поскольку, по объяснениям болгар, турки запрещали им строить церкви так, чтобы они были видны издали. Колокола на колокольне отсутствовали: их заменяли два бруска – металлический для праздников и деревянный для будней¹⁰.

Скверное впечатление вынес С.П. Боткин и о болгарской литургии, совершавшейся в церкви г. Бяла по случаю прихода русских войск. Служили там, по его словам, ужасно – «с католическим характером и с произношением таким, что ничего нельзя было разобрать»¹¹. Болгарские церковные напевы, по его свидетельству, нисколько не напоминают русские, а представляют собой какие-то завывания, не имеющие ни малейшего музыкального смысла. Болгарский священник был облачен просто нищенски, его приветственная речь с пожеланиями императору-освободителю Александру Николаевичу была крайне невнятной и плохо выстроенной. Он никак не мог сформулировать главную мысль, заикался и проявлял полное ораторское бессилие. Наши офицеры вышли из церкви, не дождавшись конца столь неудачной речи¹².

Такое же неблагоприятное впечатление произвело на него зрелище национального болгарского танца «хоро», организованное болгарскими священниками для развлечения русского императора. Судя по описанию С.П. Боткина, хоровод выглядел скучным и нерадостным. Женщины во время него держали за руки женщин, а мужчины – мужчин. Они медленно топтались то в одну сторону, то в другую, а между ними ходили два деревенских музыканта с самодельными однострунными скрипками. Их смычки

издавали какие-то особенные однообразные звуки, задававшие ритм топтанию танцующих. Музыканты передвигались столь же равнодушно, как и равнодушно двигали своими смычками. То же самое можно было сказать и о танцующих болгарках и болгарях, топтавшихся без всякого увлечения¹³.

После первых контактов с болгарями С.П. Боткин заключил, что говорят они «с резким турецким наречием» и почти ничего не понимают по-русски, в отличие от священников и учителей. Болгары, по его мнению, народ не очень красивый: женщины очень худы и замучены, видно их мало. Встретить их можно у фонтанчиков (источников), куда к вечеру ходит за водой женское население. Облачены они в платья с фартуками спереди и сзади, на голове – замысловатые уборы. Дети очень красивы, чего нельзя сказать о взрослых. «Не знаю, что будет дальше, – писал С.П. Боткин своей жене, – но до сих пор болгары не выдерживают моей симпатии. Что за глупые физиономии с черепами редькой сверху!»¹⁴. Он пытался найти симпатичные типажи в толпе болгар в церкви во время литургии, проходившей с участием придворных русских певчих, – тщетно! Ему не встретилось «таких лиц, которые бы примирили его с этой нацией».

Наоборот, в Болгарии С.П. Боткин, по его словам, постоянно натывается на что-то неприятное. Вот, например, сталкивается он с болгаринном «со скотской физиономией», загоняющим в свой двор лошадей, а они все как на подбор – серые, красивые, рослые. Спросил он его, уж не краденные ли это турецкие лошади, а тот врёт и твердит, что они его собственные, а сам спешит побыстрее затворить ворота, будто опасаясь, что братья-славяне могут посягнуть на его имущество¹⁵.

На физиономиях болгарских крестьян, по словам лейб-медика, лежит печать восточной апатичности и рабской покорности, не исчезающих даже тогда, когда они встречают русских офицеров, плывя на огромных повозках с хлебом, которые с трудом тащат пары крепких волов. Болгары, конечно, как обычно, приложат почтительно руку к шапке и скажут тебе: «Добрый вечер», но попроси у них наши солдатики хлеба – сразу же услышат привычный ответ: «Немá, немá» (ударение у С.П. Боткина ошибочно. – *И.К.*). В целом восторг, с которым болгары якобы встречают русских освободителей, по мнению С.П. Боткина, живет лишь на страницах статей наших корреспондентов. Сам он, по собственному его свидетельству, признаков такого восторга среди болгар не замечал. Ему даже казалось, что все эти встречи при вступлении наших войск в болгарские селенья искусственно кем-то подготовле-

ны. А истинное отношение болгар к русским на самом деле, по его мнению, совсем иное. С.П. Боткин описывает случай, как он шел раз со своими спутниками по широкой улице и они решили свернуть в маленький переулок, сократив путь к холму, на который намеревались подняться. И по дороге они неожиданно столкнулись с красивой черноволосой, голубоглазой девочкой лет 13-ти, которая при виде русских офицеров что-то залепетала, а затем опрометью побежала назад. Переулок оказался тупиком, и девочка, встав у ворот двора, испуганно и одновременно озлобленно начала иступленно выкрикивать что-то, похожее на собачий лай. Из него офицеры с трудом разобрали, что матери нет дома и там им делать нечего.

По тому немногому, что увидел С.П. Боткин в Болгарии, у него сложилось впечатление, что культура болгар испытала сильное влияние турок. Причем, последние в целом выглядят более предпочтительно, чем болгары. «Настолько, насколько болгары имеют вид тупой и заспанный, – пишет он, – настолько турки имеют вид интеллигентный, бодрый, гордый; лица их чрезвычайно живописны, особенно у стариков с седыми бородами, в белых чалмах»¹⁶. Больше всего С.П. Боткина поразил встречающийся тип красивых турок и турчанок с черными волосами и синими глазами. По его утверждению, он собственными глазами видел «прекрасных турецких детей – голубоглазых и белокурых». Окончательный «приговор» русского лейб-медика болгарам гласил: «народ – не симпатичный»¹⁷.

Практически почти все негативные выводы о Болгарии и болгарях С.П. Боткина – ошибочны в силу скверного знания им страны, отсутствия у него психологической проницательности или по иным причинам. Если затронуть вопрос о том, насколько красива страна Болгария (ее красоту С.П. Боткин, как мы знаем, отрицал), то следует принять во внимание, что наш фигурант познакомился лишь с небольшим и не самым красивым уголком болгарской земли, притом за очень непродолжительное время. Отсюда его суждения о скверном болгарском климате, безводности и бедности болгарских жилищ. То же самое касается физического и интеллектуального облика болгарского народа. Здесь, прежде всего, нужно учитывать тот факт, что у С.П. Боткина было очень слабое зрение. Он страдал от кривизны роговой оболочки глаз и мог читать книги лишь на расстоянии 5–7 см от лица. Где уж ему было разглядеть очарование болгарских красавиц, которое отмечали большинство других русских людей¹⁸.

Или, например, впечатление С.П. Боткина от болгарского «хоро». Оно было устроено ради забавы русского императора, его придворных и высшего русского офицества по инициативе местных священников. Не исключено, что сама идея была подсказана иерархам каким-либо высоким представителем временной русской военной управы. Отказать этой полу-просьбе–полу-приказу болгарам было нельзя. Вот и пришлось болгарским селянам через силу, как понукаемым цыганским медведям, развлекать русского государя и его окружение. Какое уж там буйное, зажигательное, радостное хоро, когда вокруг бушует война, гибнут близкие, разрушаются родные очаги, обозначилась угроза голода! А по поводу вывода С.П. Боткина об отсутствии ораторского таланта у болгарского владыки, так нескладно произнесшего приветственную речь российскому императору в церкви г. Бяла, можно заметить другое. Беднягу, очевидно, не оставляла мысль о том, что если турки вернутся в город, то они его, наверняка, повесят или казнят каким-либо другим более изощренным способом. Какие уж тут упражнения в ораторском искусстве!

Третьим очевидцем и свидетелем того, какими в 1877–1878 гг. были Болгария и болгары, являлся хорунжий 26 Донского казачьего лейб-гвардейского полка П.А. Дукмасов. Ему тогда было всего 23 года, позднее он дослужился до чина есаула. Во время военных действий он проявил себя настоящим смельчаком, был награжден орденом св. Владимира IV-й степени, орденом св. Георгия 4-й степени, получил по два ордена св. Анны и св. Станислава различных степеней, а также золотое оружие «За храбрость». Скорее всего, он был не просто храбрым, но и весьма смышленным, симпатичным, обходительным молодым человеком, и поэтому прославленный герой русско-турецкой войны генерал М.Д. Скобелев взял его себе в ординарцы. Приблизительно через 10 лет после освобождения Болгарии П.А. Дукмасов издал об этом событии свои мемуары¹⁹. Они написаны простым, ясным языком, чуждым дворянско-интеллигентского изящества, что не умаляет их ценности как исторического источника. Читая эту книгу, так и видишь перед собой ее автора – человека прямого, не знающего колебаний военного, верного слуги царя и отечества, радетеля православия, славянофила уже в силу того, что освобождаемые русской армией болгары – народ православный. Перед читателем предстает человек молодой, неженатый, склонный к сердечным увлечениям. Чувствуется, что он еще не обладает достаточным жизненным опытом и поэтому иногда совершает необдуманные поступки под воздействием эмоций.

Название книги говорит о том, что П.А. Дукмасов всю русско-турецкую войну 1877–1878 гг. прослужил ординарцем прославленного генерала М.Д. Скобелева – того самого, которому недавно был установлен памятник в центре Москвы перед зданием Генерального штаба. Мемуары ординарца еще раз подтверждают сведения о скобелевском бесстрашии. Появляясь на линии огня всегда в белом мундире на белом коне, Скобелев никогда не «клянялся» турецким пулям и ядрам, чем вызывал всеобщее восхищение – как своих сослуживцев, так и неприятеля. Турки уважительно называли его «ак-паша» – белый генерал (что, кстати, и послужило впоследствии причиной сноса первого памятника М.Д. Скобелеву, воздвигнутого в Москве перед резиденцией московского генерал-губернатора; большевики не могли допустить присутствия в центре столицы статуи царского генерала, да к тому же ещё и «белого»). Скобелев участвовал в самых отчаянных схватках военной эпопеи 1877–1878 гг.: на Шипке, в Шейново, Стара-Загоре, Плевне и других местах сражений. За ним неустанно охотились турецкие снайперы: ведь за голову «ак-паши» турецкое командование назначило крупное денежное вознаграждение. Но пули не брали генерала Скобелева, словно тот был заговоренный. Поэтому к прозвищу «ак-паша», прибавилось и новое: «ак-шейтан», т.е. «белый дьявол».

Мы не будем останавливаться на описанных П. Дукмасовым блистательных победах М.Д. Скобелева над турками на болгарской земле – о них достаточно много говорилось в мемуарах и художественной литературе. Отметим лишь то, что Дукмасов отразил в своих воспоминаниях не только достоинства прославленного генерала, но и упомянул о некоторых его слабостях. Автор пишет, например, о пагубной страсти Скобелева играть в карты и о проигрышах им крупных сумм, о попадании в трудные ситуации, из которых ему удавалось выпутываться лишь благодаря финансовой поддержке отца. Тот, как и сын, находился поблизости на Балканском театре военных действий. Гораздо больший интерес представляет для нас личность самого автора и то, что он писал о Болгарии и болгарях. П. Дукмасов не был денщиком генерала М.Д. Скобелева, а являлся его ординарцем, т.е. доверенным лицом, а не лакеем или мальчиком на побегушках. Ни сам М.Д. Скобелев, уважительно относившийся к нижестоящим по званию, ни П. Дукмасов, обладавший чувством собственного достоинства, каких-либо других, унижительных отношений не потерпели бы. П. Дукмасов оставался действующим боевым офицером, его неоднократно посылали во главе казачьей сотни, или полусотни, для разведки

боем. Причем происходило это настолько часто, что П. Дукмасов порой досадовал, что задачу эту возлагают на него, а не на постоянно отдыхающих в резерве гусар.

Одна из таких конных разведок была предпринята в окрестностях г. Тырнова. П. Дукмасов рассказывал, как он с 10 казаками переправился через реку Янтру и быстрой рысью поднялся в горы, откуда они увидели черкесов²⁰, спускавшихся в ущелье по тропинке к монастырю св. Троицы. А в Преображенской обители слева от реки они заметили турецкую пехоту, прятавшуюся за монастырскими стенами и в близлежащем лесу. С вершины горы открывался чудный вид на древнюю болгарскую столицу Тырново. В бинокль хорошо были видны турецкие минареты, которые рельефно выступали на фоне утопавших в зелени красивых белых домиков, рассеянных по берегу котловины реки Янтры между поросшими виноградом горами. К западу от города разведка обнаружила траншеи турецкой пехоты и четыре орудия. Этот разведывательный казачий рейд способствовал успеху при взятии Тырнова. Взять этот город было нелегко потому, что продвижение русских конных батарей затрудняли сложный рельеф местности и каменные стены вокруг садов. Их приходилось разбирать, чем сразу же начинали пользоваться турки: при замедлении русской атаки они поднимали смертоносный оружейный и артиллерийский огонь²¹.

Другая описываемая П. Дукмасовым конная разведка имела место 3 июня 1877 г. в окрестностях Йени-Загоры (Нова-Загоры). В ней приняли участие две казачьи сотни под командой адъютанта военного министра, ротмистра Мартынова. Казаки двигались по скверной узкой, каменистой дороге с частыми подъемами и спусками. Дело происходило в Малых Балканах – невысоких, но очень крутых и обрывистых горах. На узкой дорожке казачьи сотни растянулись на значительное расстояние. Казаки любовались открывавшимися им то слева, то справа живописными пейзажами. Вся местность покрывала роскошная растительность: громадные каштаны и буйные чинары, ореховые, дубовые и буквые рощи, изредка встречались и луга. В глубине ущелий и между ущесами звонко журчали горные прохладные ручьи, устремлявшие свои воды в долины рек Марица и Тунджа. Частые подъемы и спуски не утомляли людей. В их легкие вливался горный воздух, полный дивных запахов и ароматов. Он и живописные пейзажи поддерживали в казаках веселое состояние духа. Описание П. Дукмасовым открывшегося перед ними вида Нова-Загоры не отличается какой-либо оригинальностью. Оно, как две капли воды, напоминает описание Тырнова: такие же белые домики и высокие,

стройные минареты. Этот город невозможно было взять сходу – в бинокль в нем просматривались около двух таборов (т.е. батальонов) турецкой пехоты и два эскадрона черкесов в окрестностях. Силы были слишком неравны, и казаки благоразумно отступили²².

Подобные лаконичные описания различных уголков болгарской земли во множестве рассеяны на страницах книги, что делает ее интересным источником в плане восприятия Болгарии как страны глазами русского человека. Они имеют тем большую ценность, поскольку отражают восприятие Болгарии и болгар глазами молодого человека, жадно впитывающего новые впечатления и ещё не успевшего пресытиться их разнообразием и изобилием. Есть здесь и другая сторона дела: молодой казак П. Дукмасов еще не был связан узами брака и испытывал томление жаждущего любви сердца. В книге его воспоминаний есть то, чего не встретишь в мемуарах об освободительной войне 1877–1878 гг., написанных солидными, семейными русскими офицерами. Это, например, откровенное любование красивым и здоровым типом молодых болгарских женщин, восторженно встречавших русских воинов-«братушек». П. Дукмасов признавался, что глаза его невольно разбежались при виде радостных, милovidных болгарок, подносящих русским освободителям цветы, вино и фрукты.

Одна из таких болгарок настолько глубоко запала ему в душу, что он в течение всей военной кампании хранил в своем походном чемоданчике подаренный ею небольшой букетик цветов. Встреча с этой юной болгарской девушкой произошла во время вступления русских войск в деревню Арнауткёй неподалеку от селения Горна-Оряховица. На вид этой девушке было лет 14–15. На ней был красивый, похожий на малороссийский костюм, состоявший из вышитой шелком рубахи, шерстяной юбки и цветастого фартука. Ее шею и руки украшали ожерелья и мониста, ее длинная коса спадала ниже колен. Болгарка удивленно, словно о чем-то вопрошая, смотрела на нашего героя своими прекрасными, задумчивыми, темными-карими глазами. В них светилось столько ума, энергии и страсти, что это пронзило Петра до глубины сердца. Поэтому он взял протянутый девушкой букетик чисто машинально, но затем никак не мог с ним расстаться. Он служил ему памятью о встрече с юной болгарской красавицей, имя у которой он даже не успел спросить²³.

Глубокий след в его душе оставила и встреча с другой юной болгаркой в Стара-Загоре. В этом городе Петра вместе казаками определили на постой в роскошный дом турецкого бея, сбежавшего при приближении «гяуров» в направлении Филиппополя

(Пловдива). Подчиненные почти сразу же обнаружили в доме какого-то старого, безобразного турка в красной феске и привели его к Петру. Это был человек лет 45–50, небольшого роста, с черными, безжизненными глазами, обрюзгшим лицом без бороды и усов, смотревший на Дукмасова исподлобья и с каким-то испугом. Успевшие допросить турка казаки объяснили, что это евнух, назначенный беєм присматривать за гаремом, который не удалось своевременно вывезти. В гареме, как сообщил Дукмасову местный грек-переводчик, находилось до 30 женщин различного возраста²⁴. После этого известия в голове Петра, по его словам, сразу же закружились соблазнительные картинки, возникающие при чтении историй из «Тысячи и одной ночи»: полуобнаженные женские тела, томные взгляды сквозь полуопущенные ресницы, танец живота. В этом смысле нашему герою повезло: он натолкнулся на гарем – важное звено в традиционном представлении русских о Востоке и Туретчине. Отсутствие этого звена в болгарских землях вызывало у наших людей чувство разочарования, зафиксированное в ряде мемуаров²⁵.

П. Дукмасов не только натолкнулся в Болгарии на гарем, но и основательно изучил в бейском доме расположение его помещений и их обустройство. В его книге присутствует план этой бейской резиденции с описанием всех комнат и их убранства. Согласно этому плану, площадь дома с дворами и садом состояла из двух приблизительно равновеликих дворов-квадратов, отделенных друг от друга деревянными строениями для прислуги и сараем для скота и экипажей. В первый их них, по словам Дукмасова, вел вход с улицы, справа от него находились одноэтажные каменные покои бея, за которыми вглубь располагались небольшой сад с фонтаном и конюшня. Двор имел около 40 шагов в длину и ширину, был обнесен с двух сторон высокой кирпичной стеной и изящно вымощен каменными плитами. Посередине находился красивый мраморный фонтан с золотыми рыбками в резервуарах. Подле стен были посажены деревья в лунках, искусно обложенных разноцветным камнем.

Вход в покои бея предварял увитый виноградом балкон, а сами двери были стеклянными. Покои состояли из трех помещений, одним из которых являлась большая зала с мраморным полом, фонтаном и бассейном для купания. Вдоль ее стен тянулись широкие, низкие диваны с подушками из дорогого малинового бархата. Два других небольших помещения служили спальнями. Между сараем и строением для прислуги имелась потайная дверь, которая вела во вторую часть жилища бея, где и находился гарем.

Переводчик-грек наотрез отказался туда войти из опасения, что турки его за это повесят. Перед глазами П. Дукмасова, по его словам, открылся совершенно новый, никогда не виданный им мирок. Наш герой увидел «небольшой фруктовый сад, обсаженный по краям роскошными, тенистыми ореховыми и персиковыми деревьями, каштанами, миртами и чинарами; великолепный мраморный фонтан посередине сада, окруженный красивыми, ароматическими цветниками». Здесь же находился изящный, двухэтажный, обвитый виноградом дом, в котором почивали обитательницы гарема. Напротив, в торце сада находилась кухня, в которой женщины, по словам евнуха, обычно трапезничали все вместе²⁶.

На этом завершается дукмасовское описание бейского дома с гаремом в Стара-Загоре и начинается рассказ о находившихся там гаремных рабынях. В нем есть психологические зарисовки поведения гарема при виде чужого мужчины, страх, смятение и боязнь его обитательниц нарушить запреты и предстать перед незнакомцем с открытым лицом. Есть в этой части воспоминаний и рассказ об эротическом приключении нашего героя с юной девушкой из гарема, которую, как он узнал позже, звали Пемба. Петр увидел эту красавицу внезапно и затем не мог оторвать от неё глаз. На вид ей было не более 17 лет. Она была маленькая, миниатюрная, стройненькая, с небольшими ножками, обутыми в изящные туфельки. Ее черные волосы чуть выбивались из-под чадры, а чудные, выразительные глазки смотрели на Дукмасова вопросительно и с каким-то любопытством. У Петра сразу закружилась голова. Он почувствовал непреодолимое желание подойти к юной красавице, обвить ее талию руками и без конца целовать её полураскрытые губы, покрытые слабым румянцем щеки, красивый смуглый лобик. Ему хотелось забыть обо всем, что его окружает, – войну, ее ужасы, кровь и страдания...

Но они были в комнате не одни – рядом находились безобразный евнух, старуха-турчанка, ощерившаяся, словно злобный чербер, многочисленные жены и наложницы бейя. За Петром и Пембой следили десятки ненавидящих глаз, карауля каждое их движение. Вспыхнувшее между ними взаимное тяготение не осталось всеми незамеченным. Вокруг них раздалось злобное шипение и чуть внятное бормотание. Поднялся шум, и стоило Петру лишь на мгновение отвлечься, как девушка внезапно исчезла, словно растворившись в воздухе, будто виденье. Лишь под угрозой револьвера евнух согласился отвести нашего героя в спальню гарема, где он пережил незабываемые, чудные мгновения. По словам Петра, когда он вспоминал их, окружающая жизнь казалась

ему будничной, бесцветной и скучной. Он писал, что часто думал о Пембе, гадал о ее дальнейшей судьбе, жалел, что не сделал ее своей женой и не увез с собой в Россию. Очевидно, Петр не раз слышал реальные истории о казаках, ходивших в прошлом в походы на Туретчину и привозивших себе оттуда верных жен.

Сравнивая воспоминания о Болгарии и болгарях С.П. Боткина и П.А. Дукмасова, начинаешь понимать, как много значит, кто и какими глазами смотрит на то, что описывает. С.П. Боткин – профессор, академик, пожилой по тогдашним представлениям человек, не совсем здоровый, личный врач императора Александра II, в чине генерала входящий в его свиту. При чтении его воспоминаний создается ощущение, что он страдает не только от слабого зрения, но и от несварения желудка и постоянно мучающей его изжоги. С.П. Боткин вечно чем-то недоволен: и женщины-болгарки у него некрасивы, и местный владыка у него не оратор, и болгары не так встречают своих русских освободителей: как-то фальшиво и искусственно. Об ошибочности мнения С.П. Боткина о болгарских женщинах уже говорилось выше. Она легко устанавливается при сопоставлении оценок других русских людей, открывавших в болгарках массу достоинств – внешних и внутренних. К ним можно присовокупить и воспоминания П.А. Дукмасова, из которых ясно, что у него просто глаза разбегались из-за обилия встречавшихся ему красивых или миловидных лиц болгарок. Две из них, как мы теперь знаем, оставили в душе русского офицера очень глубокий след.

Причиной других неверных оценок С.П. Боткина из увиденного им в Болгарии была его сановная отгороженность от болгар, не знавших различия сословий. Эту отгороженность он не мог преодолеть, в отличие от П.А. Дукмасова – человека, бывшего много ниже его по званию и поэтому чувствовавшего себя с болгарами наравне, легко и просто. Коснемся, например, описания П. Дукмазовым встречи болгарскими его казачьей полусотни в Горно-Оряховице и его характеристики местного болгарского владыки.

При въезде дукмасовских казаков в Горно-Оряховицу их, как освободителей, встречали просто по-царски. О приближении русских «братушек» болгар заранее оповестили звон церковных колоколов и специальные сигналы из соседних сел. Навстречу казакам вышло около тысячи человек: впереди – болгарские священники с большими крестами и хоругвями, за ними – мужчины, женщины, старики и дети. Ритуал встречи был тщательно продуман: приветственные речи болгарских иерархов, молебен, всеобщее коленопреклонение, целование креста, Евангелия и хоругвей,

приветственные слова почтенных седовласых старейшин, препровождение казаков в село болгарскими, взявшими казачьих коней под уздцы, знакомство с селом, угощение гостей и их торжественные проводы. По свидетельству П. Дукмасова, приветственные речи и слова болгар действовали на казаков «...как-то особенно живоительно и ободряюще; каждый с гордостью, казалось, сознавал, что вера болгар в нашу силу, в наш успех не обманывает их, что мы действительно выйдем победителями из этой тяжелой борьбы и вырвем, наконец, их из вековых и мучительных объятий угнетателей»²⁷.

Подобно встрече на окраине села, столь же тщательно была продумана и организация общей трапезы, устроенной болгарскими на сельской площади. Девушки разостлали там прямо на земле холсты, на которые из близлежащих домов женщины почти бегом стали приносить лепешки, пироги, жареных гусей, уток и кур, разные фрукты, сласти и прочее. Мужчины же приносили вино и водку (ракию). Когда казаки начали рассаживаться по скамейкам, старейшины окружили П. Дукмасова, чтобы получить разрешение поддержать коней казаков, пока те обедают. Такое разрешение ими было получено, после чего каждого казачьего коня стали обхаживать чуть ли не по 10 болгарских коневодов различного возраста²⁸.

П. Дукмасова очень порадовало знакомство с болгарским священником по имени Иоанн. Именно он произнес приветственную речь при вступлении казачьей полусотни в Горно-Оряховицу, причем на чистейшем русском языке. Она была стройной, хорошо составленной, содержала в себе пожелания здоровья русскому царю-освободителю Александру II и всему русскому православному воинству. Как выяснилось в дальнейшем, о. Иоанн выучил русский язык, путешествуя по России, куда он ездил для сбора пожертвований. Он, по его словам, побывал в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Троице-Сергиевой Лавре и других святых обителях. Из России о. Иоанн привез много богослужебных книг, различную церковную утварь и деньги, на которые был построен местный православный храм. О. Иоанн проявил себя «веселым и остроумным собеседником» и продемонстрировал свой «недожинный ум, пронизательный и трезвый, светлый взгляд»²⁹. Вот что значит чувствовать себя раскованно и на равных за дружеской трапезой, не боясь начальственного окрика или осуждающего взгляда! В присутствии придворного врача-генерала С.П. Боткина о. Иоанн вряд ли почувствовал себя столь же свободно, как в компании казачьего хорунжего П. Дукмасова!

Во время проводов освободителей болгары наотрез отказались от предложенной им платы за угощение. Они сопровождали казаков до самой околицы, вели себя очень искренно и дружески, их «крепким рукопожатиям и теплым пожеланиям не было конца»³⁰.

Для опровержения ошибочного вывода С.П. Боткина о фальшивом поведении болгар при встречах с русскими освободителями здесь добавить больше нечего. Суждения же о Болгарии и болгарях баталиста В.В. Верещагина в опровержении не нуждаются. Он – художник-реалист, обладавший точным взглядом на события, вещи и людей. Его мнение, как правило, не расходится с тем, что происходило на самом деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно об этом см. в справке к нашей монографии: *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 476–478.

² В.В. Верещагин погиб вместе с адмиралом С.О. Макаровым на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской мине близ Порт-Артура 31 марта 1904 г.

³ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. 1874–1877. М., 1950. С. 165.

⁴ Храбрости В.В. Верещагину, действительно, было не занимать – при необходимости он сам мог взять в руки оружие и вступить в отчаянную схватку. Так было, например, во время Туркестанской кампании, за которую он был награжден Георгиевским крестом IV-й степени, а М.Д. Скобелев представлял художника за проявленную отвагу к «золотой шпаге», но тот отказался от награды.

⁵ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. С. 174–175.

⁶ *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902.

⁷ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. С. 176.

⁸ Письма из Болгарии 1877 года С.П. Боткина. Спб, 1893.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Красоту болгарской земли и ее благоприятный климат единодушно отмечали познакомившиеся с ней русские люди: врач К. Зейдлиц и подпоручик лейб-гвардейского Преображенского полка Н.А. Лукьянович, побывавшие на Балканах во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.;

сотрудник журнала «Современник» Е.П. Южаков, совершивший поездку на славянский юг в 1858–1859 гг. писатели В.И. Немирович-Данченко и В.В. Крестовский, оставившие воспоминания о своем пребывании в стране во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и др.; монах Парфений (Агеев), проехавший в 1839 г. через болгарские земли по дороге на Афон, пришел от Болгарии в полный восторг и назвал ее «уголком рая». См.: *Калиганов И.И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славяне во времени и пространстве.* М., 2009. С. 41–62; *он же.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. на Балканах и впечатления о Болгарии и болгарях ее русских участников // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ русских в славянских странах.* М., 2012. С. 32–49. А миловидность, красоту и отличную манеру поведения болгарских женщин подчеркивало большинство мужчин. См., напр., *Южаков Е.П.* Один месяц в Болгарии // *Современник.* Т. 84. Спб, 1880. № 11; *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. Двадцать месяцев в Действующей армии. В 1877–1878 гг. Т. 5. Спб, 1879. С. 423–424.

¹⁹ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. Спб, 1889.

²⁰ Так называли крымских татар, которые начали селиться в болгарских землях по приглашению турецкого султана еще в XVII в. Пик их переселения пришелся на весну-лето 1860 г., когда в болгарские земли переселилось около 200 тыс. человек.

²¹ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве... С. 30–31.

²² Там же. С. 58–59.

²³ Там же. С. 39–40.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ *Фролова М.М.* Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // *Война, открывшая эпоху на Балканах. К 180-летию Адрианопольского мира.* М., 2009. С. 79.

²⁶ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве... С. 72–73.

²⁷ Там же. С. 41–42.

²⁸ Там же. С. 43–45.

²⁹ Там же. С. 42–43.

³⁰ Там же. С. 46.